

ВРЕМЯ И МЕСТО

Шостакович: территория умолчания

Как композитор водил дураков за нос

Анна Андрушкевич

Сейчас, когда в магазине смотришь на полки с книгами или дисками, когда просматриваешь концертные афиши, когда читаешь о том, как всем миром празднуют юбилей Шостаковича, кажется очевидным: этот композитор любим и хорошо изучен, о нем много пишут, его много играют. Однако специалисты видят ситуацию иначе. «Дело не только в том, что Шостакович не вполне изучен, но и в том, что он до сих пор совершенно не понят», — полагает Манашир Якубов, музыковед, который более двадцати лет был главным хранителем архива Шостаковича, а сейчас является председателем Общества любителей музыки этого композитора и главным редактором издательства DSCH.

Манашир Абрамович, не так давно были найдены два произведения Шостаковича: «Финская сюита» и Квартет, который считали уничтоженными. Как в наше время происходит обнаружение таких сочинений? Откуда они появляются?

— Ну, начнем с того, что до сих пор находятся какие-то произведения Баха или Моцарта. А если художник вынужден писать в стол, то неудивительно, что потом обнаруживаются его неизвестные произведения! Но в

Шарль Мюшш, если не ошибаюсь. Он попросил партитуру и там же, в Праге, за один сутки сделал это переложение. Но что бы его не задержали на границе, он не написал ни названия (тогда было бы ясно, что это что-то связанное с церковной музыкой), ни автора, ничего. В таком виде и сохранилась эта рукопись.

— А где хранится его рукопись?

— Есть три основных хранилища его автографов: это Архив Д.Д. Шостаковича, РГАЛИ и Музей им. Глинки.

— И архив до сих пор не весь исследован?

— Да. Понимаете, мы великая, но бедная страна. У нас колоссальные интеллектуальные богатства, духовность, бесконечные разговоры о которой стыдно слышать, — но денег на то, чтобы поддержать изучение архива Шостаковича, у нас нет, и это изучение происходит не так быстро, как хотелось бы.

Тем не менее оно происходит. После смерти Шостаковича опубликовано громадное количество его произведений. Они не были известны по разным причинам. Одни он сознательно скрывал (например, «Антиформалистический раек»), другие были ошельмованы властью, объявлены антинародными и изъяты из репертуара (это прежде всего три его гениальных балета — «Золотой век», «Болт» и «Светлый ручей»). Но случилось и так, что сочинение просто «не шло» — не вызвало энтузиазма исполнителей, и тогда оно долго ждало премьеры даже без видимых внешних

причин. Так было, представьте себе, с Первым скрипичным концертом: Шостакович доказал его Ойстраху и Кондрашину, но они не взяли его играть. Потом настал 48-й год, и только потом, через много лет, концерт был исполнен, и Ойстрах, которому он посвящен, стал его горячим пропагандистом. А иногда сочинения просто затерялись в архиве, и только теперь мы узнаем о них. Огромную работу в этом направлении проделал Геннадий Николаевич Рокдественский, который записал целую серию дисков: «Дмитрий Шостакович. Из рукописей разных лет». Геннадий Николаевич был также первым, кто продирижировал всеми операми Шостаковича, и он же впервые записал все его балеты. Мне по-

счастливилось издать эти балеты, и, когда я был в Большом театре на премьере «Светлого ручья», я хохотал и плакал. Хохотал — потому что это безумно смешно, и танцуют его с таким азартом, вдохновением, темпераментом, чувством юмора — что не смеяться невозможно. Плакал от счастья, потому что опять вернулась к жизни эта музыка, и народ ее понял. А между тем, когда обсуждалось, надо ли возродить эти балеты, то мне говорили: а поймет ли народ? Ведь «Светлый ручей» — это о колхозе, а сейчас молодежь не знает, что такое колхоз. «Болт» — о вредительстве, тоже не поймут.

— Что же вы отвечали?

— Что лозунг уже подзабылся и нужно дать людям возможность увидеть и услышать эти произведения, а уж поймут они или нет — время покажет. Кстати, времена Ивана Фроного, это тоже не очень близко. Поймет ли народ «Царскую невесту» Римского-Корсакова? Знаете, вот так взять — и отравить человека, это тоже не очень сейчас принято! Хотя, бывает...

— Но вернемся к вопросу о рукописях. У вас наверняка есть какие-то свежие находки.

— Да. Могу сообщить вам сенсационную новость: недавно Санкт-Петербургская исследовательница Галина Викторовна Копытова обнаружила фрагменты детской оперы Шостаковича «Цыгане». (Достает кипу нотных листов.)

— Какая толстенькая папочка! Эти номера, надо полагать, попадут и в собрание сочинений, которое вы издаете?

— Конечно! Мы издаем новое собрание сочинений Шостаковича в ста пятидесяти томах. Двадцать я уже выпустил, мне осталось всего сто тридцать.

— На сколько лет рассчитана эта работа?

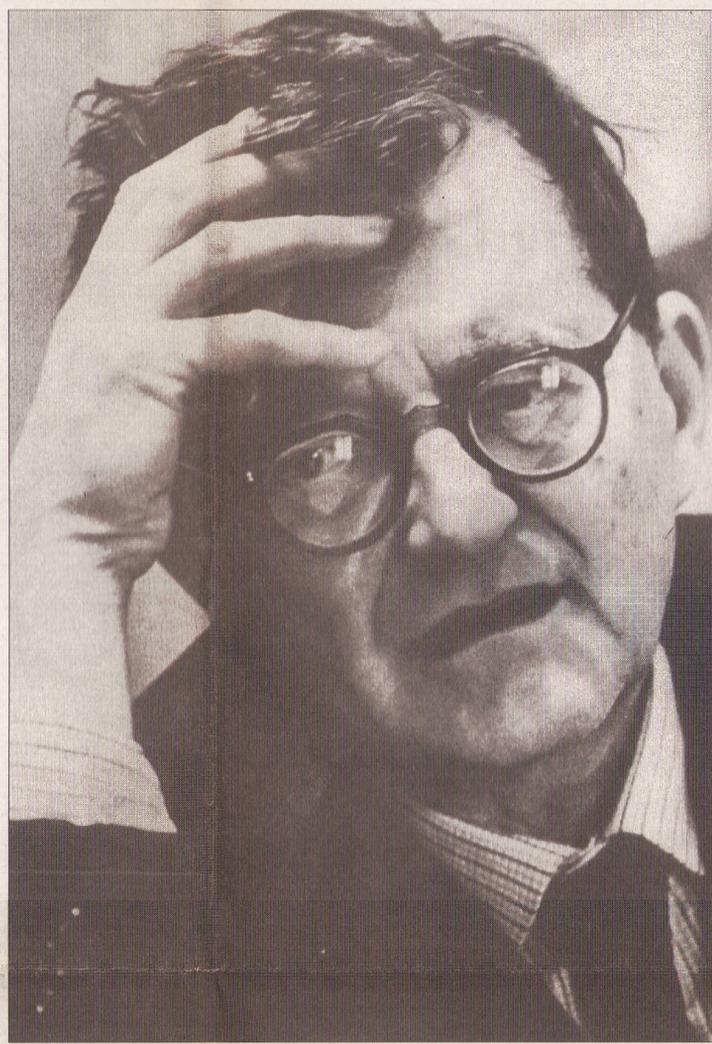
— Я собираюсь жить долго!

— Чем это собрание отличается от предыдущих помин того, что в нем представлены вновь обнаруженные произведения?

— Здесь впервые в мировой издательской практике публикуются все сохранившиеся черновики и наброски Шостаковича. В подлинном виде, факсимиле. Вы можете видеть все поправки, последовательность работ, намечку инструментовки, смену чернил, смену почерка, все, что угодно.

— Над чем вы сейчас работаете?

(Тут на меня обрушился цивил информация. М.А. называл одно за другим десятки произведений. Вторая джазовая сюита, «Немецкий марш», пьесы «Скарлатти в обработке Шостаковича для духового оркестра, музыка к эстрадно-циркового представлению «Условно убитый», в котором участвовали Дунавский и Утесов, некон-

Дмитрий Шостакович — композитор, которого мы еще не до конца поняли.

Фото из книги «Ростропович и его современники»

ченные оперы... М.А. все продолжал и продолжал...)

— В общем, исследователям музыки Шостаковича пока есть что делать...

— Я думаю, что мы еще не знаем Шостаковича. С одной стороны, условия его существования вынуждали его прятаться, маскироваться, уходить от преследований власти. С другой стороны, власть делала максимум возможного для того, чтобы внушить обществу желаемое понимание его творчества. Ну, вот приведу примеры... Вам один, два, три, сколько хотите?

— Приведите ваш любимый.

— Вот сейчас любимый — это Пятая симфония. О которой говорили, что Шостакович наконец исправился: после «Леди Макбет» он написал произведение, в котором образ нового человека, новой личности. Он и сам говорил, в частности, что это автобиографическое произведение, это он о себе, о перестройке со-

знания, о становлении нового человека, — и все было страшно счастливы. При этом он говорил очень точно, но так, чтобы те, кто хотел говорить неправду, поняли его, как им удобно. А теперь выяснилось, что это произведение действительно автобиографическое, но к социализму и формированию нового человека оно имеет достаточно непрямотное отношение. Это симфония о любви. Шостакович в то время был увлечен некой женщиной. Он писал ей письма, она не отвечала, не говорила ни да ни нет — знаете, бывает такая игра. В конце концов он сделал решительный шаг и порвал эти отношения. И Пятая симфония, которая была написана вскоре после их разрыва, построена на темах оперы «Кармен». Но темы эти так замаскированы, так переосмыслены, так тонко взяты, что заметить это удалось только много десятков лет спустя. Первым это сделал Лео Абрамович Мазель, который написал, что одна из тем первой части очень похожа на мотив Хабанеры «Кармен» (от слов «Любовь! Любовь!»). Ну а позднее стало ясно, что симфония связана не только с Хабанерой, но и со множеством других мелодий из этой оперы. Например, во второй части, в скерцо, появляется цитата из Песенки Кармен. А вы знаете, что она там поет?

— Пушкина: «Режь меня, жги меня».

— Только у Шостаковича не эта фраза, а та, что дальше: «Нет, я тайну свою от всех вас сохраню!» Вы тайну мою не узнаете... И это она говорит когда? В момент ареста! Вы представляете, как связано все это?

Я считаю, что это симфония не только о любви. Это также симфония о судьбе художника в обществе. В финале Шостакович использовал тему своего романа «Возрождение» на стихи Пушкина («Художник-варвар кистью сонной/ Картину гения чернит/ И свой рисунок беззаконный/ Над ней бессмысленно чертит./ Но краски чуждые, с лезвием, Спадают ветхой чешуей/ Созданье гения пред нами/ Выходит с прежней красотой...»).
— Ничего себе! Прямым текстом... А когда был написан роман?

— Это было первое новое произведение, которое он написал после «Леди Макбет» и Четвертой симфонии. Внешний повод для обращения к Пушкину был очень лояльный, потому что в 1937 году исполнилось 100 лет со дня его смерти, это почему-то отмечали как праздник, и все композиторы писали на стихи Пушкина и спешили это напечатать. Шостакович создал, в сущности, автобиографический цикл, который он не опубликовал под тем предлогом, что он его якобы не закончил: он хотел написать двенадцать романсов, а написано только четыре, и вот, пока он не закончит все

— То есть как — то о симфониях, то о матчах?

— Ну да, то об одном, то о другом. И этого увлечения футболом часто не понимали его академические коллеги, на него смотрели с насмешкой. Но Шостакович однажды произнес фразу, которая проливает свет на эту его страсть. Он сказал, что футбол — это у нас единственное место, где каждый может громко говорить то, что он думает, о том, что он видит.

— Какая замечательная фраза! Вы сказали, что была тетрадь, в которую Шостакович вписывал названия сочинений. А в одном из сборников, изданных DSCH, есть статья Ольги Домбровской о «Записных книжках», в которых Шостакович перечислял по-

существование. Дмитрий Дмитриевич действительно часто говорил, что сочиняет слишком быстро и что надо бы помедленнее, но он ничего не может поделать, такой у него резвый характер. Он присовокуплял, что вот поэтому он не любит переделывать свои сочинения, предпочитает новые написать. И не надо большой проницательности, чтобы понять, что он говорил это для того, чтобы таким образом объяснить, почему он не следует указаниям партии и правительства относительно переделки своих сочинений и устранения указанных недостатков. Это была такая форма водить дураков за нос.

На протяжении многих десятилетий Шостакович говорил, что он мечтает написать симфонию, посвященную образу великого Ленина. В течение трех лет, с 38-го по 40-й, он двенадцать раз — ежеквартально — делал заявления о том, что работает над тем, чтобы воплотить этот гениальный бессмертный образ. И не воплотил.

— Зачем же нужны были анонсы?

— Думаю, для того, чтобы его никто не мог упрекнуть за то, что он к 50-летию другого великого корифея (вождя и учителя всех народов) не написал ничего. Ведь в 1939 году был юбилей, к которому поэты, композиторы, драматурги, кинематографисты изо всех сил создавали произведения. А Шостакович не создал. Его на настойчиво говорил, что пишет о Ленине (и это его оправдывало, потому что «Сталин — это Ленин сегодня»). Он якобы писал то по поэме Маяковского, то на стихи Джембула или Сулеймана Стальского, то на народные тексты. И в архиве не сохранилось ни одной странички, ни одной строчки этих «уже написанных», «готовых» или «не совсем готовых» произведений! Так что к высказываниям Шостаковича нужно относиться очень внимательно. Стараюсь понять, чего он не хотел сказать или что он хотел сказать тем, кто понимает.

— Манашир Абрамович, вы — председатель Общества любителей музыки Шостаковича. Как живет сейчас это общество?

— Общество создано по инициативе ряда крупных музыкантов, среди них — Ростропович, Башмет, Вайнберг и другие. Главная форма его работы — это музыкальные собрания. Они прои-

существование. Дмитрий Дмитриевич действительно часто говорил, что сочиняет слишком быстро и что надо бы помедленнее, но он ничего не может поделать, такой у него резвый характер. Он присовокуплял, что вот поэтому он не любит переделывать свои сочинения, предпочитает новые написать. И не надо большой проницательности, чтобы понять, что он говорил это для того, чтобы таким образом объяснить, почему он не следует указаниям партии и правительства относительно переделки своих сочинений и устранения указанных недостатков. Это была такая форма водить дураков за нос.

На протяжении многих десятилетий Шостакович говорил, что он мечтает написать симфонию, посвященную образу великого Ленина. В течение трех лет, с 38-го по 40-й, он двенадцать раз — ежеквартально — делал заявления о том, что работает над тем, чтобы воплотить этот гениальный бессмертный образ. И не воплотил.

— Зачем же нужны были анонсы?

— Думаю, для того, чтобы его никто не мог упрекнуть за то, что он к 50-летию другого великого корифея (вождя и учителя всех народов) не написал ничего. Ведь в 1939 году был юбилей, к которому поэты, композиторы, драматурги, кинематографисты изо всех сил создавали произведения. А Шостакович не создал. Его на настойчиво говорил, что пишет о Ленине (и это его оправдывало, потому что «Сталин — это Ленин сегодня»). Он якобы писал то по поэме Маяковского, то на стихи Джембула или Сулеймана Стальского, то на народные тексты. И в архиве не сохранилось ни одной странички, ни одной строчки этих «уже написанных», «готовых» или «не совсем готовых» произведений! Так что к высказываниям Шостаковича нужно относиться очень внимательно. Стараюсь понять, чего он не хотел сказать или что он хотел сказать тем, кто понимает.

— Манашир Абрамович, вы — председатель Общества любителей музыки Шостаковича. Как живет сейчас это общество?

— Общество создано по инициативе ряда крупных музыкантов, среди них — Ростропович, Башмет, Вайнберг и другие. Главная форма его работы — это музыкальные собрания. Они прои-

существование. Дмитрий Дмитриевич действительно часто говорил, что сочиняет слишком быстро и что надо бы помедленнее, но он ничего не может поделать, такой у него резвый характер. Он присовокуплял, что вот поэтому он не любит переделывать свои сочинения, предпочитает новые написать. И не надо большой проницательности, чтобы понять, что он говорил это для того, чтобы таким образом объяснить, почему он не следует указаниям партии и правительства относительно переделки своих сочинений и устранения указанных недостатков. Это была такая форма водить дураков за нос.

На протяжении многих десятилетий Шостакович говорил, что он мечтает написать симфонию, посвященную образу великого Ленина. В течение трех лет, с 38-го по 40-й, он двенадцать раз — ежеквартально — делал заявления о том, что работает над тем, чтобы воплотить этот гениальный бессмертный образ. И не воплотил.

— Зачем же нужны были анонсы?

— Думаю, для того, чтобы его никто не мог упрекнуть за то, что он к 50-летию другого великого корифея (вождя и учителя всех народов) не написал ничего. Ведь в 1939 году был юбилей, к которому поэты, композиторы, драматурги, кинематографисты изо всех сил создавали произведения. А Шостакович не создал. Его на настойчиво говорил, что пишет о Ленине (и это его оправдывало, потому что «Сталин — это Ленин сегодня»). Он якобы писал то по поэме Маяковского, то на стихи Джембула или Сулеймана Стальского, то на народные тексты. И в архиве не сохранилось ни одной странички, ни одной строчки этих «уже написанных», «готовых» или «не совсем готовых» произведений! Так что к высказываниям Шостаковича нужно относиться очень внимательно. Стараюсь понять, чего он не хотел сказать или что он хотел сказать тем, кто понимает.

— Манашир Абрамович, вы — председатель Общества любителей музыки Шостаковича. Как живет сейчас это общество?

— Общество создано по инициативе ряда крупных музыкантов, среди них — Ростропович, Башмет, Вайнберг и другие. Главная форма его работы — это музыкальные собрания. Они прои-

Такая у человека простая природа: его как ни крути, как ни мучай, как ни дави, а он вот почему-то хочет быть счастливым...

данном случае секрет заключается еще в том, что Шостакович очень много работал. Он написал гигантское количество музыки, и, чтобы справиться с его архивом, нужен целый институт. Ведь архив писателя или вообще творческого человека — это огромное количество рукописей, часто незаглавленных, разрозненных, и порой даже опознать их не так просто. Например, беру я в руки ноты, на которых ничего не написано. Совсем ничего! И вижу, что это вообще не произведение Шостаковича. А написано его рукой, причем большая рукопись — не две, не три странички. Потом оказывается, что это фортепианное переложение «Литургической симфонии» Онегера. Шостакович ее услышал в Праге, где ее играл

причина. Так было, представьте себе, с Первым скрипичным концертом: Шостакович доказал его Ойстраху и Кондрашину, но они не взяли его играть. Потом настал 48-й год, и только потом, через много лет, концерт был исполнен, и Ойстрах, которому он посвящен, стал его горячим пропагандистом. А иногда сочинения просто затерялись в архиве, и только теперь мы узнаем о них. Огромную работу в этом направлении проделал Геннадий Николаевич Рокдественский, который записал целую серию дисков: «Дмитрий Шостакович. Из рукописей разных лет». Геннадий Николаевич был также первым, кто продирижировал всеми операми Шостаковича, и он же впервые записал все его балеты. Мне по-

Современники. Мстислав Ростропович, Дмитрий Шостакович, Галина Вишневецкая, Тихон Хренников.

Шостакович сказал, что футбол — это у нас единственное место, где каждый может громко говорить то, что он думает, о том, что он видит

двенадцать... Он никогда их не закончил.

Но я хочу вам досказать о Пятой симфонии нечто важное. В самом конце, который вызывает столько удивления, непонимания и вопросов, происходит следующее. Там, если не ошибаюсь, двести пятьдесят два раза повторяется нота ля. Без конца — ля, ля, ля. И Дмитрий Дмитриевич однажды спросил: «А что это значит?» Он сказал: «Это я, я, я!» Потому что ля — это А, первая буква алфавита; я так понимаю, он имел в виду: «Это я, а не они, я, а не вы» — самоутверждение. Но, кроме того, я думаю, что это «Ляля, Ляля, Ляля» — как заклинание, почти истерически, на прощание повторяемое имя...

— Как странно... Как непохоже на то, что обычно видят в этой симфонии!

— Тут я и хочу вам сказать, почему я думаю, что Шостакович еще по-настоящему не понят. Дело в том, что понимание творчества Шостаковича было беспредельно политизировано. — Вы полагаете, что политики совсем нет в Пятой симфонии?

вседневные дела вроде похода в парикмахерскую или к зубному, а порой — к президенту какой-нибудь страны или в Верховный совет СССР. В сборнике опубликован один разворот из такой записной книжки. Вы будете издавать их целиком?

— Я думаю, когда-нибудь это будет издано, но на это нужны десятилетия. Чтобы две странички разобрать и прокомментировать, понадобится длительная, очень тщательная исследовательская работа. А там таких разворотов тысячи! Дмитрий Дмитриевич был человеком идеальной пунктуальности, он вел «Записные книжки» каждый день в течение тридцати лет.

— Вы все время имеете дело с автографами Шостаковича. Как он писал? Он часто говорил, что пишет очень быстро и что это даже нехорошо, потому что может показаться, что он работает недостаточно серьезно.

— Заполняя лист бумаги, он писал не быстро, а сверхбыстро. Это была именно какая-то фантастическая скорпись, что очень видно в его рукописях.

ходят в помещении издательства DSCH, в Хамонниках, и обычно идут под рубрикой «Круг Шостаковича». Там была впервые показана и «Финская сюита». У нас был вечер, который назывался «Шостакович и Сибелиус» — это совершенно неузнаваемая страничка! Мне удалось обнаружить, что Двенадцатая симфония Шостаковича, посвященная памяти Ленина, имеет самое непосредственное отношение к Финляндии. Потому что главная тема этой симфонии — цитата из Лемминкинен-сюиты Сибелиуса, из части «Лемминкинен в Тюнелла». Сюжет из Калевалы об их герое Лемминкинене, добром молодце. Но знаете, что происходит в этой части?

— Лемминкинен бросает в реку мертвых.

— Да, причем расчлененного на куски. И вы понимаете, как это соотносится с Финляндией и тем, что с ней сделали большевики?

— Бог ты мой! Он все так писал?

— Нет, не все, но многое. Я же не случайно говорю, что мы еще далеко не поняли этого композитора!